

МАРИНА ЙОРГЕНСЕН

.....

Счастье как способ путешествия

*Эту книгу
рекомендуют
вам 100
читателей*

«В мире, полном беспорядка,
катастроф и предательства,
можно верить лишь красоте».

— Элизабет Гилберт

Знак качества (ЭКСМО)

Марина Йоргенсен

Счастье как способ путешествия

«ЭКСМО»

2015

Йоргенсен М.

Счастье как способ путешествия / М. Йоргенсен — «Эксмо»,
2015 — (Знак качества (Эксмо))

Если ты уже не юная девушка, а тебя вдруг бросает жених и начальник готовит приказ о твоём сокращении, что делать? Есть, молиться, любить — уже однажды ответила Элизабет Гилберт. Марина Йоргенсен предлагает свой оригинальный рецепт выживания: бросить все и уехать в Лиссабон. Чтобы там — вдали от родины — наконец-то оказаться дома и понять себя.

© Йоргенсен М., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Йоргенсен

Счастье как способ путешествия

© Йоргенсен М., текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

– Lisboa esta uma linda cidade, – прочитала я вслух последнюю строчку своего домашнего задания.

– Lisboa é uma linda cidade, – поправила меня сеньора профессор. Помните, что я вам объясняла на прошлом уроке? Глагол «estar» используется для того, что может измениться, а глагол «ser» – для того, чтобы идентифицировать или характеризовать кого-либо или что-либо.

Лиссабон и правда красивый город. Город, который радует, дарит ощущение праздника и беззаботности. Или иллюзию беззаботности? Как бы там ни было, мне нравится это ощущение. Потому что моя новая мантра – «здесь и сейчас». Я решила больше не тратить время на пережевывание ошибок прошлого и переживания о том, как сложится будущее. И Лиссабон мне в этом очень помогает. Этот город расслаблен и авантюрен – а это именно те качества, которых мне не хватает. Его атмосфера пронизана духом странствий. Лиссабон мультинационален, мультикультурен и вообще мультинеподражаем. В этом «котелке Августина» замешен аромат готовящейся пищи, экзотических цветов и долетающий с Кошта Капарики запах океанского бриза.

В языковой школе у меня пятеро одноклассников: шотландец Дэйв, швейцарец Энтони, француженка Николь, японка Ами и очень беременная полька Гоша. Настоящий интернационал, объединенный общей целью – выучить португальский язык. Несмотря на единство цели, мотивы у всех у нас разные.

Герлфренд Дэйва работает в международной фирме и, получив предложение поработать несколько лет в ее лиссабонском офисе, не смогла от него отказаться. А Дэйв не смог согласиться с идеей встречаться с ней несколько раз в году, поэтому в португальскую столицу они переехали жить вместе. Не перевелись в Шотландии романтические и преданные мужчины! Лиссабон, конечно, не «глубина сибирских руд», поэтому жертва, казалось бы, и не большая. К тому же фирма Дэйвой герлфренд и квартиру и машину оплачивает. Но, с другой стороны, у Дэйва в Эдинбурге свой бизнес, который, как и все крепкие, но небольшие и не айтишные бизнесы, приносит прибыль, только если постоянно держать руку на пульсе. Дэйв выбрал Лиссабон и любовь, поэтому временно оказался в роли «отчаянного домохозяина». К чему он относится с иронией, но что его (и это сразу чувствуется) напрягает. Дэйв надеется, что, выучив португальский язык, он сумеет перенести свой бизнес в Португалию и снова станет «хлебоу-игрывателем». Если перевести «breadwinner» с английского дословно. В смысле добытчиком. Задача осложнена тем, что это его первый иностранный язык. Первый, потому что в языках Дэйв, как он сам признается, не силен.

Швейцарец Энтони работает в одной из международных правительственных организаций, и португальский для него – одна из возможностей карьерного роста. Учитывая, что Энтони уже владеет четырьмя языками, два из которых относятся к романской группе, волноваться за его карьеру не приходится. К тому же ему всего двадцать два года. По европейским образовательно-профессионально-карьерным стандартам – это чистый пубертат.

Николь француженка только наполовину. Папа у нее португалец. Он уехал жить и работать во Францию в молодом возрасте, потом женился на маме Николь, и в семье говорили только по-французски. Сейчас у Николь проснулся интерес к своим корням и она решила заняться изучением португальского языка. И заодно переехать жить в Лиссабон. Полное погружение в язык. «Языковой дайвинг», как она сама это называет. Николь планирует добиться в Лиссабоне профессионального успеха. Амбиции у нее, как у молодого д'Артаньяна, с той лишь разницей, что тот направлялся завоевывать Париж. В перспективе Николь планирует обязательно открыть в Лиссабоне свой консалтинговый бизнес, что, по ее словам, гораздо проще,

чем в Париже. Потому что бизнес-климат в Лиссабоне – как в Париже двадцать лет назад. Непаханое поле с множеством незанятых ниш.

Японка Ами приехала в Лиссабон из Лондона, где она учится в университете, на несколько месяцев, специально ради португальского. И работает по выходным в суши-баре. Я уже несколько дней вымогаю из нее обещание устроить для нас суши-класс. Ами вежливо улыбается, но «да» или «нет» не говорит. По этому поводу немного не в тему, но очень кстати у меня в голове крутится фраза мамы Бриджит Джонс. Когда она рассказывала Бриджит новости о мистере Дарси, сыне их друзей: «Он недавно развелся с японкой. Жестокая нация!» Что касается португальского, то, как объяснила Ами, у Японии масштабные внешнеэкономические отношения с Бразилией и рядом других португалоговорящих стран. Особенно в телекоммуникационном секторе, в котором Ами и собирается трудиться после окончания университета. До того как, по ее словам, «начнутся семья и дети». Учitando, что Ами всего двадцать лет и что японки раньше тридцати редко выходят замуж, лет десять, а то и пятнадцать на расширение японско-бразильских внешнеторговых связей у Ами есть.

Беременную польку Гошу на самом деле зовут Малгожатой. Но в условиях португальских лингвистических реалий это имя ей кажется чрезмерно напыщенным, поэтому она предпочитает прятаться за уменьшительно-ласкательной вывеской «Гоша». Для Гоши португальский язык не экзистенциальный поиск себя и не карьерное будущее, а жизненное настоящее. Ее муж – португалец. Так что португальский язык с недавних пор – ее среда обитания. С мужем Гоша прекрасно общается по-английски. Но скоро родится сын, и ей бы очень хотелось понимать, о чем папа с сыном будут говорить. К тому же быстрое овладение португальским языком – это прекрасный способ произвести впечатление на родню мужа. Правда, сама Гоша называет своего мужа исключительно «бойфрендом». Потому что их отношения официально не зарегистрированы. Что не помешало ей получить португальский вид на жительство.

– И с чего это ты вдруг собралась учить именно португальский язык? Зачем он тебе нужен? Если уж такая тяга к новым языкам напала, то взялась бы за французский – он очень красивый. Очень! Или за испанский – практично, на нем скоро полпланеты будет говорить. Или китайский – на нем уже полпланеты говорит.

– Я не знаю. Я правда не знаю, почему именно португальский. Хочу, и все тут.

– Девочка моя, ты же мне как родная! И тебе, как родному человеку, я имею право сказать, что такое легкомыслие в твои годы – это очень недальновидно. Неосмотрительно, прямо скажем.

– Тетя Эльза, я вас тоже люблю!

Этот памятный диалог состоялся за две недели до моего отъезда в Португалию, в гостях на даче у моей тети. На самом деле она мне не тетя, а двоюродная бабушка. Но назвать бабушкой эту отменикюренную даму с активной жизненной позицией даже, наверное, у ее пятилетних внуков-близнецов язык не повернется. Так что в наших семейных хрониках она фигурирует исключительно как «наша тетя Эльза».

Что касается португальского языка, то не такой уж он и бесполезный. Из европейских – третий по распространенности. После английского и испанского. И говорят на нем в мире аж целых двести миллионов человек. Помимо, собственно, самой Португалии, на португальском языке говорят в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи. В Экваториальной Гвинее португальский язык является официальным наряду с французским и испанским, в Восточном Тиморе – наряду с языком тетум, а в Макао – наравне с кантонским китайским. И еще Гоа. Это ведь бывшая португальская колония. Там тоже португальский понимают. Что хоть и не принципиально, но все равно приятно. И конечно же на португальском языке говорят в Бразилии. Одна только Бразилия чего стоит! Это ведь половина Южной Америки. Хотя «наша тетя Эльза» наверняка уверена в том, что в Бразилии говорят на бразильском.

Впрочем, если бы я рассказала о настоящей причине своего выбора, то у виска покрутила бы не только моя двоюродная бабушка Эльза, но и вы, уважаемый читатель. Потому что она иррациональна настолько, насколько только можно себе представить.

Глава 2

Когда началась вся эта история? Первого апреля. День юмора, будь он неладен.

«Я тебя больше не люблю!» – отправила я эсмэску Антону.

И тут же получила в ответ: «Я тебя тоже!»

Ну ладно, не любит. Да он жить без меня не может.

«Я пошутила! С первым апреля!»

«А я нет» – таков был лаконичный ответ мужчины, которого я искренне считала почти мужчиной моей мечты.

То, что Антон не шутит, я в тот момент еще не осознала. В смысле в тот момент мне это не пришло в голову даже на уровне нелепого предположения. Потому что Антон... хотя это неважно... или нет, важно, конечно, но об Антоне я расскажу позже. Ну а в тот момент я не сомневалась, что Антон тоже шутит. Он вообще всегда отличался немного странным юмором. Но всегда обижался, если я пробовала шутить в его фирменном стиле. Наверное, искренне считал, что в наших отношениях именно ему выдан патент на царапающие душу шутки. Может, и сейчас обиделся? Я набрала его номер. Абонент был недоступен. Мне всегда казалось, что у меня неплохо развита интуиция. Но в тот момент моя интуиция молчала, видимо, решив, что первое апреля – это не просто «день юмора», а календарный выходной для всех. В том числе и для нее, моей интуиции. Хотя дело даже не в интуиции. А в том, что на протяжении всех пяти лет наших отношений, начиная с самого первого дня знакомства, я не боялась потерять Антона. Это он боялся потерять меня. А я его нет. Это странно звучит, но я всегда знала, что в наших отношениях это он – тот, кто любит немного больше. И, что звучит не менее странно, меня это никогда не напрягало. Скорее наоборот, казалось залогом стабильности нашего союза. Его нерушимости. Это сейчас мне отношения, где один любит, а другой позволяет себя любить, кажутся ненормальными. И я даже готова встать на самую высокую трибуну мира, хлопнуть по ней башмаком от Вивьен Вествуд и громко прокричать в микрофон: «Люди! Вы слышите меня? Это! Ненормально!» А тогда я так не считала. И поэтому проглядела тот самый момент (или это был день? или час? или минута?), в который наши отношения начали плавный спуск в никуда. Но в тот момент я еще не догадывалась об этом спуске. Моя интуиция праздновала день юмора (или день дурака?), часы в правом нижнем уголке моего ноутбука показывали полдень ноль-ноль, и мой рабочий день был в самом разгаре. «Я подумаю об этом завтра». Мысленно процитировав неунывающую Скарлетт О'Хара, я с головой погрузилась в простыню экселевской таблицы. SWOT-анализ очередной бизнес-единицы. Сильные стороны – слабые стороны, возможности – угрозы. Не инструмент технологии стратегического управления, а настоящая поэма. С элементами триллера.

Сегодня во время ланча коллеги обсуждали дауншифтинг. Тренд, зародившийся не то в Америке, не то в Европе, потихоньку добирается и до России. Кое-как успевшей свыкнуться с мыслью, что слова «карьера» и «амбиции» не являются ругательными. Дауншифтинг – это когда человек посылает свою корпоративную карьеру к чертям собачьим, делая выбор в пользу свободного времени и занятий для души. Тому, что хоть и дает небольшой доход, но дарит ощущение счастья. Будь то ландшафтный дизайн, танцы живота или разведение китайских мопсов. Хотя, наверное, есть счастливчики, у кого карьера и является любимым хобби. И те, у кого любимое хобби переросло в карьеру.

Последние два года я работаю в должности заместителя директора департамента маркетинга. Что неплохо для моих лет, учитывая, что фирма, на благо которой я тружусь, не просто большая, а огромная. И известная. Такое место работы – как Байконур, то есть идеальный старт для идеальной карьеры. У меня довольно привлекательная зарплата, чертовски привлекательный соцпакет, и со стороны моя жизнь многим может показаться картинкой из глянце-

вого журнала. Не из «Вог», конечно. Но вполне себе из «Космополитен». В принципе, эта картинка мне и самой нравится. Но почему-то все чаще и чаще на душе скребут кошки и воют собаки. Нереализованностью это точно не назовешь. Я самореализованна. Профессионально состоялась. У меня есть любимый человек...

Черт! Совсем забыла про СМС. Я снова набрала номер Антона. Абонент продолжал оставаться категорически недоступным. Как вологодское сливочное масло в советскую эпоху дефицита.

Неужели пора перекраивать фразу в прошедшее время? «У меня был любимый человек». Я профессионально состоялась? Я самореализованна?

Глава 3

Мой первый день в Португалии. Вместо того чтобы гулять по центру Лиссабона, как это сделал бы на моем месте любой нормальный человек в первый день знакомства со страной, я отправилась в Синтру. Вы спросите меня, почему в Синтру? Потому что на самом деле эта история началась не первого апреля, а гораздо раньше. Примерно на десять лет. Точную дату я не помню, но ее можно посмотреть на открытке, которую я получила от своих путешествующих по Европе друзей. На открытке был замок. Волшебный, разноцветный, нереально-карманный замок на вершине горы. Визуальные ассоциации? Марципановый торт. Покои спящей красавицы. Или царство эльфов из мистической саги. Если в этой стране есть такие замки, то я обязательно должна увидеть эту страну своими глазами. Обязательно! Вот, собственно, и вся история. Все началось с открытки. И к чему все это приведет, пока совершенно непонятно.

Поезда на Синтру отходят от кружевного вокзала Россиу. Я купила билет в оба конца – *de ida e volta* – и прошла через турникет. Вагон поезда был полупустой, и я без проблем заняла место около окна. По диагонали на противоположной стороне сидела колоритная пара: щуплая дворняжка в попонке расцветки *Burberry* и ее дородная хозяйка неопределенных лет в бигуди под косынкой и в халате стиля «профессиональная униформа работника торговли». Дворняжка меланхолично смотрела в окно, а ее хозяйка оживленно разговаривала по мобильному телефону.

А вот и мой мобильный замигал всеми цветами радуги через пластиковый карман сумки-торбы. *At first I was afraid, I was petrified, Kept thinkin' I could never live without you by my side...* Ну да, банально, я знаю. Ну а какую еще мелодию вы ожидали услышать от мобильного телефона свежebroшенной с помощью СМС девушки? Первый звонок на новую, вчера вечером купленную во «ФНАКе» португальскую симку. Звонила сестра. Вместо «здраси» начала расспрашивать про португальских мужчин. Можно подумать, что я их уже успела рассмотреть. И можно подумать, что они мне действительно интересны.

Не прошло и часа, а по электронному табло на стене вагона поезда уже бежала надпись *Sintra*. Я вышла из вокзала и, не зная, в какую сторону нужно идти, чтобы дойти до центра, пошла налево. По *avenida Dr. Miguel Bombarda*. Дорога, хоть и не круто, шла вниз. Испугавшись, что забреду туда, откуда мне обратно придется карабкаться вверх, как альпинисту, я спросила у проходящего мимо пожилого сеньора, где находится центр Синтры.

– *Desculpe, como eu chego no centro da cidade?*

Несмотря на то что из его словоохотливого ответа я поняла всего несколько слов, нужную мне информацию я уловила. Моя левосторонняя направленность меня не подвела. Есть мнение, подтвержденное маркетинговыми исследованиями, что люди имеют тенденцию идти направо. Этой особенностью человеческой психологии пользуются маркетологи с мерчендайзерами, раскладывая на полках супермаркетов свой товар.

Центр Синтры находится именно налево от вокзала. Нужно идти *sempre en frente*, то есть прямо вперед, вдоль *Alameda de volta do Duche*.

Вдоль плавного серпантина пешеходной *Alameda de volta do Duche* стоят скульптуры современных португальских художников. Почти все концептуально-безликие. Как это и водится у современного искусства. Но одна из них смешная. Подошла ближе, чтобы прочитать подпись. Автор *Beatriz Cunha*. Называется *Aura*. Аура? А что, похоже! Именно так сейчас моя аура и выглядит: потрепанные крылышки, толстенькие ножки и нос по ветру в погоне за новыми впечатлениями, ощущениями, приключениями. Если не перестану пирожные трескать, то ножки станут толстенькими не только у моей ауры, но и у меня лично. Будучи разочарованной в результатах собственных усилий по строительству счастья в личной жизни, я сейчас испытываю огромную потребность в сладком, вкусном, мучном и шоколадном. Знаю, что

не выход. И что лучше бы я пила зеленый чай и медитировала. Под лучами весеннего португальского солнышка особенно остро начинаешь осознавать, что в человеке все должно быть прекрасно, а не только мысли.

В каждом португальском городе есть своя фирменная выпечка. Фирменное лакомство Синтры – *queijadas*. Миниатюрные сырные корзиночки. Нечто среднее между пирожным и печеньем. В *Queijadas da Sara* я заказала чашку эспresso и парочку кейжадаш. Кофейные паузы – это так по-португальски!

В туристическом бюро около *praca da Republica* я взяла карту Синтры и узнала, что *Palacio Nacional da Pena* закрыт по понедельникам. То, что сегодня вторник, я восприняла как знак «на удачу». Еще в туристическом бюро мне рассказали, что в то время как в Лиссабоне в 2007 году объявляли новые чудеса света, португалыцы параллельно создали свой, национальный, список чудес. Вошел в него и мой волшебный замок.

От туристического бюро до Паласио ходят рейсовые автобусы. Десять минут по крутой спирали дороги. И вот он. Замок моей мечты.

Скажу честно, я очень боялась разочарования. Что фото с открытки не совпадет очертаниями с реальностью. И уж подавно с моими фантазиями на тему этой реальности. Первый взгляд. Первое впечатление. Именно оно является самым ценным, со временем трансформируясь в жемчужины воспоминаний. Мой зачарованный замок меня не разочаровал.

Гуляя по анфиладам, я пыталась разгадать загадку замка. Пробовала разобрать на составляющие его очарование. Но это занятие я бросила быстро. Потому что сказку невозможно разобрать на ингредиенты. Их перечисление столбиком ничего не даст. Затейливая цветовая палитра несочетаемых, казалось бы, цветов: желтый, розовый, светло-фиолетовый и светло-кирпичный. Архитектурный стиль: сплав готики, ренессанса, мануэлино и арабского стиля. Интерьер: элегантный, экстравагантный и романтический. С элементами эзотерики и китча. Я стояла на смотровой площадке замка. Вид с нее – изумительный. Но боже, какой сильный ветер! Выворачивает душу наизнанку. Предприимчивые португальские старушки около входа в замок продают вязаные свитера. В те времена, когда кондиционеры еще не были придуманы, Паласио был создан как убежище от летнего зноя. Даже если внизу температура подбирается к плюс тридцати, вокруг замка всегда прохладно. Моя джинсовая куртка пришлась как нельзя кстати, но лучше бы к ней еще и большой мохнатый шарф с варежками. А то мои пальцы вот-вот окоченеют и выронят фотоаппарат.

По утопающей в зелени Синтре приятно гулять. Здесь удивительный микроклимат и аромат эвкалиптовых деревьев. Синтра настраивает на романтический лад. Не романтический с уклоном в личную жизнь, а, что ценно, абстрактно романтический. Недаром этот город восхищал лорда Байрона. Он даже посвятил Синтре отрывок в одной из своих поэм. Я, конечно, не Байрон, но мне тоже Синтра кажется местом идеальным для поиска вдохновения. Здесь хочется писать дневник или просто сидеть на скамейке, которых множество вдоль тенистых аллей. Рисовать в органайзере планы. На день, на неделю, на жизнь...

Я бросила монетку в фонтан и загадала забыть о существовании Антона.

Глава 4

Наши отношения с Антоном начались так же странно, как и закончились. Мы познакомились случайно. В кафе, где было очень многолюдно, потому что время было обеденное. Я вставала из-за стола, а он как раз собирался его занять. Второпях я оставила на столе свой телефон, а Антона так и вообще не заметила. Точнее, не успела рассмотреть. Зато Антон успел меня рассмотреть. Судя по тому, что сразу взял курс на «вы привлекательны, я чертовски привлекателен – чего время терять». В его исполнении в этом даже не было пошлости. В своей прямолинейности он был очарователен, как паровозик из Ромашкова.

Обнаружив пропажу, я, скорее для очистки совести, чем в надежде вернуть телефон, набрала свой номер.

– Это Антон, – услышала я на другом конце «провода».

– А это хозяйка телефона, по которому вы сейчас разговариваете, – максимально вежливым тоном представилась я.

– Здравствуйте, прекрасная незнакомка! Где и когда я смогу вернуть вам вашу потерю?

Мы встретились в том же кафе во время обеденного перерыва. Потом еще раз. И еще. И еще. Мы болтали понемногу обо всем, но главным образом обо мне. Антон говорил, что я – самая большая ценность в его жизни, что он меня недостойн, что он благодарит тот день, когда я забыла свой мобильный на столике в кафе. Наши отношения перетекали в постельную плоскость плавно, как во время путешествия на машине в зоне Шенгена одна страна перетекает в другую.

Антон подкупил меня своей основательностью, которая на поверку оказалась болтовней, и не более. Он умел делать красивые жесты, но брать ответственность за наши будни, быть главой «семьи» пришлось мне. У Антона всегда хватало денег на модный галстук, коктейль в «Боско-баре» или даже на новый парфюм для меня, но оплата бензина, телефонных счетов и субботнее пополнение холодильника в «Кэш энд Кэрри» не входило в сферу его интересов. Он постоянно говорил о том, что вот-вот заключит мегаэксклюзивный многомиллионный контракт, а я, как самый неприхотливый соловей, с удовольствием кормилась его баснями.

Фирменным из его красивых жестов был завтрак в постель. Как в кино: на подносе и с улыбкой. Просыпайся, милая! Тебя ждет новый день и завтрак. Джем, круассанчики, молоко в молочнике, маслице в розетке. А какой он делал омлет! Один Антошин омлет стоил мессы.

А я все еще была не уверена, стоит ли мне начинать (или это называется продолжать?) с ним отношения. Когда я рассказала про завтрак в постель подругам, они вынесли единогласный приговор: «братъ». Ну я и взяла его. Как платье. Которое вроде и ничего, но не так сидит. Потому что не тот размер. Что может быть хуже, чем купить платье неподходящего размера? Купить неподходящего размера туфли. Поставить на полку и любоваться.

По контрасту с омлетом, профессиональная Антошина жизнь на момент нашего знакомства была совершенно невнятной. Хотя на его визитной карточке стояла величавая надпись: «директор». Антон директорствовал в рога-копыта-образной фирме, из тех, что во множестве открывали в начале девяностых, а в конце девяностых забыли закрыть. Фирма занималась всем понемногу, но главным образом чем-то оптовым. На работе Антон редко появлялся раньше одиннадцати. То есть время на готовку завтраков у него было. В какой-то момент мне надоело, что Антон занимается непонятно чем, и я устроила его работать в риелторскую фирму моего бывшего одноклассника и, по совместительству, соседа по лестничной площадке. Сначала Антон принял мое предложение в штыки. Не царское это дело – работать обычным специалистом. Но поскольку начальная зарплата была немного больше его директорской и обещались перспективы, то крыть ему особо было нечем. Он милостиво согласился попробовать, а потом втянулся так, что за пару лет дорос до директора подразделения. И даже начал зараба-

тивать приличные деньги. Полностью выплатил кредит за свою машину, оставил нашу кухню новой «Икеей» и даже свозил меня на неделю в Париж.

Я его слепила из того, что было. А потом, что было, то и полюбила. Знакомая песня, не правда ли? Мне казалось, что все наладилось. Что все хорошо и будет еще лучше. А потом еще лучше. А тем временем незаметно подкралось первое апреля.

Ради кого меня бросил Антон, я узнала совершенно случайно. Моя заместительница моложе Антона на десять лет, хорошенькая натуральная блондинка, похожая на Шарлиз Терон, не глупа. А мне так хотелось, чтобы она была молоденькой дурочкой. Ключевое слово «дурочка». С длиной извилин короче, чем ее мини-юбка. Но она, как назло, не дурочка. И даже, скорее всего, умна. Только не падайте в обморок, но я навела справки о ее успеваемости. Что было несложно, потому что она, ко всем своим прочим достоинствам, студентка вуза, в котором я преподаю по субботам на четверть ставки. К счастью, не в ее группе. Познакомились они на ступеньках этого самого вуза, пока Антоша ждал меня на крыльце. То есть получается, что я ему сама подарила под ключ карьеру, возможность купить коня и принцессу в придачу. А принцессин папа наделит Антошу в лучших традициях мыльных опер или русских народных сказок про Емелю на печи половиной царства. Разведка донесла, что папа у нее – волшебник. Ну не такой, чтобы прямо совсем ВОЛШЕБНИК, но за Антошину карьеру можно теперь не волноваться. Остается надеяться, что начальственный папа уважать себя заставит и скрутит Антошу в бараний рог или какую другую каральку, потому что... потому что, например, на дух не переносит запах табака.

Из моего сумбурного рассказа вам может показаться, что я – расчетливая самовлюбленная стерва, использовавшая невинного романтического мальчика, но на самом деле я была наивной влюбленной дурой.

Я, ненавидящая запах сигарет, всегда покупала Антоше его любимую марку. Я, приходя домой усталая как собака, всегда находила в себе силы засесть за написание Антошиных рефератов. Считала себя виноватой в том, что вытащила его из академического отпуска, в котором он числился чуть ли не с прошлого века. Я помогла ему взять кредит на машину. После чего со мной почти месяц не разговаривала моя семья, искренне считая (и я, в принципе, их понимаю), что у девочки совсем крыша съехала.

И вообще этот маленький мальчик младше меня всего на год. К тому же не календарный, а академический. Все, с маленькими мальчиками покончено! Ну, или когда я войду в возраст, в котором Пугачева познакомилась с Киркоровым... Может быть, тогда...

Я открыла свой лэптоп, чтобы проверить почту. Новых писем – ноль. Зато спама, как всегда, на страницу. Может быть, завести себе новый почтовый ящик? Хотя с таким спамом, как мой, необходимость в рассылке анекдотов отпадает. Главный перл сегодняшнего спама: «Оружие с доставкой, лицензии». Очень своевременно! «Самый большой выбор и специальные предложения». Воспользоваться, что ли? Я в красках представила, как покупаю у некоего Сергея автомат Калашникова, и меня такой смех разобрал. Я представила перепуганное Антошино лицо. Нет, пусть живет зайчик. Наивному прекрасному полу на радость.

Антон сказал, что я такая самодостаточная, эффективная и целеустремленная, что около меня он не ощущает себя мужчиной. Что ему надоело, что я командую, что наши отношения крутятся только вокруг меня. Что если он останется со мной, то у него разовьется комплекс неполноценности. Что он устал жить с женщиной, которая специализируется на быстрых конях и горящих избах. Что женщина должна быть женщиной. Слабой. А я, оказывается, воплощение охотницы на мамонта.

А я, между прочим, слабая. Вы думаете, что я не мечтаю о том, чтобы обо мне заботились?

Хотя... меня всегда умиляли все эти рецепты семейного счастья: «Если вы умнее его, ни в коем случае не показывайте ему это».

...И как жалко потраченных на него пяти лет! Во рту осталось горькое послевкусие несбывшихся надежд. И ожиданий.

Если мужчина говорит, что он вас недостойн, то так оно и есть. К сожалению, некоторые девушки (не будем стоя перед зеркалом показывать пальцем) понимают эту истину слишком поздно.

Глава 5

Помните анекдот, в котором на улице случайно встречаются одноклассники и на вопрос «как дела?» один из них отвечает, что жизнь как зебра, в черно-белую полоску, и сейчас у него черная полоса. А потом они снова встречаются через некоторое время. И он на вопрос «как дела?» отвечает: «Помнишь, я тебе сказал что у меня была черная полоса? На самом деле она была белой, а черная – это сейчас». Вот так и в моей жизни. Сначала от меня отказывается мой любимый мужчина, а потом от меня отказывается моя работа. Тоже, в принципе, любимая. В отношении с которой я инвестировала способностей, времени и сил не меньше, чем в отношения с Антоном. Ну а если уж быть точной – то намного больше. Я, конечно, в курсе, что в стране кризис. И что у нас на работе идут сокращения. Но то, что сокращение коснется меня, я не могла себе представить и в самом страшном сне. Хотя, если посмотреть на это через призму любой экономической теории, то все логично. В условиях кризиса микроэкономическая единица – предприятие – для поддержания своей ликвидности обычно начинает оздоровительные процедуры с сокращения своих непроизводственных расходов, то есть расходов в областях, не участвующих напрямую в создании добавленной стоимости, в получении дохода. Типичный пример таких расходов – маркетинг. Наш генеральный нудно вещал о проявлении воздействия негативных тенденций мирового кризиса, об ухудшении финансово-экономического положения на предприятии, про оптимизацию структуры затрат и антикризисные управленческие воздействия на бизнес-процессы предприятия. Наш генеральный обладает классическим «производственным» менталитетом, поэтому доказывать ему, что гораздо большую экономию можно было бы получить, начав с оптимизации оборотного капитала, закупок и транспортных расходов, – напрасная трата нервных клеток и ораторского искусства. Потенциал маркетинговых инструментов в условиях кризиса для него такая же абстрактная тема, как и полеты на Марс. Он все давно решил. Сокращение отдельно взятой меня и некоторых других «счастливчиков» он решил провести не просто, а с подвывертом. Предлагается написать «по собственному желанию», а потом заявление о приеме на работу во что-то не то дочернее, не то входящее в концерн. За гораздо меньшую зарплату и большее количество рабочих часов. Пересмотр коммуникационных бюджетов и рациональное использование средств в переводе с генерального на русский язык означают, что объем заданий, ранее распределенный на трех человек, теперь будет переложен на мои хрупкие плечи. Мне, конечно, не привыкать работать от забора и до обеда...

Мне захотелось закрыть глаза и очутиться на необитаемом острове. Или где-нибудь еще дальше. Хьюман ресосес искусственно оптимистичным тоном хорошо поддатога Деда Мороза на школьном утреннике повествовала про конкурентоспособность компании, лояльность сотрудников и про использование кризиса в качестве точки роста для реализации новых возможностей. «Любой кризис – это новые возможности», – процитировала она в конце своего выступления Уинстона Черчилля.

В стране кризис, в голове полный кризис... Моя жизнь – это бег вперед по инерции... Просто так в жизни ничего не происходит. Судьба посылает сигналы. Заставляет сделать паузу и... нет, не скушать «Твикс», а задуматься о том, куда бежим.

– А что, если я не напишу по собственному желанию? – спросила я.

– Тогда нам все равно придется вас уволить, сократить. Согласно программе действий, утвержденной советом директоров...

– И выплатить мне выходное пособие и прочие компенсации в соответствии с трудовым договором?

Я остановилась. Задумалась. О многом. И о том, что китайский иероглиф, которым обозначается слово «кризис», на самом деле состоит из двух иероглифов. Один из них означает «опасность», а другой – «благоприятная возможность».

Так я выбрала свой вариант дауншифтинга.

Глава 6

Отдельного описания заслуживает помещение нашей школы. Она занимает несколько этажей в здании, примыкающем к кинотеатру São Jorge. Большие окна с видом на Avenida da Liberdade, стеклянные двери. Ощущение света и простора. Лифт тесный, старинный и резной. Будто к его созданию приложил руку сам Гауди. Стены коридоров и многих классов облицованы разноцветной кафельной плиткой азулежу.

На перемене мы пили отвратительный кофе из термоса с восхитительными маленькими pasties de pata и обменивались полезной информацией о лиссабонских кафе и ресторанах.

Я вставила свои пять копеек наблюдений о том, что сначала я оглядываю публику, и если подавляющее большинство – не португальцы, а туристы, то я и заходить не буду. Количество португальцев на квадратный метр для меня – это один из важных показателей добротности ресторана. Правда, о том, что в России мы с друзьями, наоборот, измеряем качество заведения по количеству экспатов и иностранных туристов на квадратный метр, я решила умолчать.

Дэйв подтвердил мою теорию, добавив, что если он видит перед рестораном меню на пяти или больше языках, то туда ему точно не надо. Цены там, скорее всего, будут для туристов. И качество тоже. То есть без надежды на клиентскую лояльность, но с расчетом на то, что второй раз клиент туда все равно не придет. Самая добротная кухня в тех ресторанах и кафешках, где меню только на португальском и вообще не переведено на другие языки.

Николь сказала, что терпеть не может зазывал, которые стоят перед дверью ресторана с меню в руках и кидаются к каждому прохожему под ноги с навязчивыми приглашениями посетить их ресторан.

– А меню у них на пяти языках, – состроив смешную «подобострастную» гримасу, вставил Дэйв.

– В хороший ресторан не заывают. В хороший ресторан нужно заранее, хорошо если не за несколько месяцев, столик заказывать, – продолжила Николь. – Конечно, если ты не какая-нибудь суперзвезда шоу-бизнеса. Или Карла Бруни.

Мнению Николь о ресторанах вполне можно доверять. Хотя бы потому, что она родилась и выросла в Париже. В шестом округе. Что упоминает Николь как бы промеждупрочим, но чувствуется, что своей «пропиской» она гордится. Шестой округ – это воспетый сладкоголосым Джо Дассеном Люксембургский сад и знаменитые кафе. Знаменитые не только своим настоящим, но и прошлым. В свое время там были всегдатаями Дали, Пикассо, Сартр, Хемингуэй и другие творческие, ставшие со временем историческими, личности. В то время как я стояла в двухчасовой очереди, чтобы попасть в свежееоткрытый «Макдоналдс», маленькая Николь пила горячий шоколад на террасе «Лэ дё Маго». Если в этой жизни есть справедливость, то не подскажите, где она зарыта?

А еще Николь рассказала нам о тикет-ресторанах. Традиция обедать вне стен офиса в Португалии настолько сильна, что многие фирмы включают полную или частичную компенсацию таких обедов в социальный пакет. Чаще всего эта компенсация выдается книжечкой билетов, которыми можно расплатиться во многих кафе и ресторанах, опознавательный знак которых – наклейка на двери с надписью «Ticket restaurant». Эту наклейку вполне можно воспринимать как своеобразный «знак качества». Потому что еда в помеченном ею заведении наверняка будет традиционно португальской, простой, сытной, вкусной и недорогой. В обеденное время, начиная с часа дня, там скорее всего будет яблоку некуда упасть, поэтому есть смысл подходить туда чуть пораньше, начиная с двенадцати, или чуть позже – ближе к трем. Так что, если увидите такую наклейку – смело заходите внутрь! Там может быть скромно на

вид, но невкусно и дорого там точно не будет. Да и свежесть блюд гарантирована большим «гостепотоком».

Подчистив тарелку с «наташами» (ударение на первую «а»), мы подвели под общий знаменатель, что лучшее «питательное» место – это там, где много португальцев. Постановили, что пить кофе из термоса в одной из самых кофейных стран мира – это глупость непростительная. Коллективно приняли решение переместить наши кофейные паузы в ближайшее кафе. Поскольку отказаться от халявной школьной выпечки мы в себе сил не нашли, то решили запивать их во время кофе-брейков чаем.

После уроков нас, в школьном мини-автобусе благородного голубого цвета, повезли в музей Гулбенкяна. Его водитель в кипенно-белой рубашке, с черным галстуком на шее и с форменной фуражкой на голове так галантно открыл передо мной дверь, что я на минуту ощутила себя школьником Гарри Поттером и троюродной сестрой принца Уэльского в одном флаконе.

Галуст Гулбенкян – выдающаяся личность! Родился в Стамбуле, в армянской семье. Свое состояние сделал на торговле нефтью. Его называли «Господин пять процентов». Именно столько он получал с каждой сделки между иракскими нефтяными магнатами и компанией «Бритиш Петролеум». Помимо бизнеса его увлекало и искусство. За свою жизнь он собрал бесценную коллекцию живописи, скульптуры, ювелирных изделий и антикварной мебели. К слову сказать, многое он успел купить за бесценок в Эрмитаже в смутном 1928 году. И знаете, я его не осуждаю. Потому что сохранилось все это в лучшем виде. Радует и взор и душу. А где все это лежит – не суть, правда ведь? Во время Второй мировой войны он обосновался в Португалии, которой впоследствии и завещал все свое состояние, включая и коллекцию предметов искусства.

– Картина называется «Лето в Шотландии», – глядя на работу какого-то голландского художника с изображением морского шторма, пошутил Дэйв. Я, так же как и он, очень ценю малодозливую солнечную португальскую погоду. Это моя витаминка хорошего настроения.

Глава 7

С утра небо было серым и дождь барабанил по клавишам черепичных крыш. Обычно я не люблю дождь, но здесь, в Португалии, он не воспринимается как стихийное бедствие. Скорее наоборот, как уютная пауза между жарко-солнечными днями. В такой день я могу провести в книжном магазине несколько часов, а потом неторопливо сидеть в кафе за столиком около большого окна.

Для кого как, а для меня книжный магазин – это как для ребенка магазин игрушек. Меня спокойно можно оставить в книжном на несколько часов, и этих нескольких часов мне будет мало. Даже в стране, чей язык мне совершенно незнаком. Я буду листать художественные альбомы, книги о дизайне, обязательно загляну в отдел иностранной литературы, где часто бывает неплохой выбор художественных и кулинарных книг на английском языке. А уж если в магазине есть еще и просторный отдел, в котором продают компакт-диски и фильмы... В общем, книжный – это мой «Детский мир». К сожалению, в России книжных магазинов такого формата откровенно мало. Что странно. Не мы ли самая читающая нация в мире? А с некоторых пор еще и самая пишущая? Лиссабонский FNAC на rua do Carmo полностью отвечает моим представлениям о прекрасном. Кафе, в котором нельзя курить, зато можно купить свежесжатый апельсиновый сок; удобные диванчики, на которые можно присесть полистать книгу, и даже специальная аудитория для чтения; огромный видео-аудио-отдел, где я незаметно для себя могу потратить полчаса и больше, слушая на вертушках музыкальные новинки.

В какой-то статье по психологии я прочла, что покупкой мягких игрушек девушки компенсируют желание семейного уюта, домашнего очага. Я вместо игрушек покупаю кулинарные книги. У меня подобралась уже довольно приличная коллекция. Особенно если учесть, что я не готовлю. Не умею. Не в клиническом смысле этого слова, а просто потому, что мне как-то не до этого. Я прекрасно понимаю, что скупать кулинарные книги и не готовить – это так же странно, как регулярно покупать кроссовки и совсем не заниматься спортом. Но я ничего не могу с собой поделать. Это почти как мания. Но я очень надеюсь, что когда-нибудь у меня будет большая светлая кухня. Нет, не большая, а огромная. О кухне я мечтаю так, как некоторые девушки мечтают о собственной свадьбе. Мне совершенно плевать, какая у меня будет свадьба, но мне хочется верить, что у меня будет кухня моей мечты и будет для кого готовить.

В языковом отделе листала разговорники. Красочные, с фотографиями и смешными картинками. Только вот смысл разговорников мне всегда был малопонятен. С помощью разговорника можно задать вопрос, но как понять ответ, если ты не знаешь языка? Есть девушки, которые постоянно находятся в поисках идеальной диеты, уверенные в том, что, как только найдут ее – тут все их проблемы сразу и разрешатся сами собой. Я же уже вторую неделю нахожусь в поиске идеального учебника по португальскому языку. Несмотря на то, что школа предоставляет все необходимые материалы. Вот найду идеальный учебник – и сразу заговорю. Легко, плавно и свободно. Правда жизни заключается в том, что сколько учебников ни купишь – учить язык все равно надо.

Сегодня на уроке в ходе изучения личных местоимений выяснилось, что португальский язык очень «мачевый». Местоимение «они» в португальском бывает мужского и женского рода. Мужского – eles – употребляется, когда говорят о группе мужчин, женского – elas – когда, соответственно, говорят о группе женщин. Так вот, если в группу женщин затесался хотя бы один мужчина, то всю эту группу обозначают местоимением мужского рода.

У нашего коллектива эта информация почему-то вызвала гомерический смех. «Леди, простите, но мы в этом не виноваты!» – хором разублались Дэйв и Энтони.

Услышав наш галдеж, в класс заглянул сеньор Фернандыш, декан школы.

– На каком языке общаетесь, – спрашивает, – на английском, русском или польском?

– На японском! – хором ответили мы. Ами, как обычно, промолчала.

После «ФНАКа» я гуляла по rua Garrett. Зайдя в один из магазинчиков, я на автопилоте, по привычке, подошла к кронштейну с мужскими рубашками. От условных рефлексов, оказывается, избавляться не так-то просто. Стою, рубашки тереблю. Тут как тут мальчик-консультант материализовался со своим дежурным «posso ajudar?».

– Рубашку для мужа выбираю, – зачем-то брякнула я. Дура! Кто меня за язык тянул? Могла бы ведь ответить, что я «estou só a ver». Хожу, гляжу, никого не трогаю.

– Размер знаете? – спросил меня мальчик-консультант.

– Ммм... не уверена.

– А какой у него рост?

– Метр восемьдесят девять.

Ну кто меня за язык тянет?! Какая разница, какой у Антона, который мужем мне никогда не был и уже точно не будет, рост. В самом-то деле!

– У меня тоже метр восемьдесят девять, – сказал мальчик-консультант.

– У вас рост не может быть сто восемьдесят девять, вы ниже.

Зачем, ну зачем я участвую в этом бредовом диалоге?

– Ну, по крайней мере так стоит в моем портфолио, – потупив взор, с явно напускной скромностью ответил мальчик-консультант.

– Да-да, конечно. Портфолио – это серьезный аргумент.

Мы, если уж на то пошло, оба хороши. Он врет про свой рост, а я – про наличие мужа. А вообще я уже успела заметить, что португалыцы любят рисоваться, ненавязчиво дать понять, как они круты. Хозяин моей студии, передавая ключи, пожелал мне успехов в изучении португальского и как бы вскользь заметил, что бразильское произношение гораздо легче для освоения, чем португальское. По крайней мере, так считает его знакомый посол, с которым он играет по воскресеньям в гольф. Вот и продавец сразу попытался дать понять, что он тут не просто так стоит, полки украшает, а восходящая звезда модельного бизнеса.

Мальчик-консультант поболтался около меня еще пару минут и переключил свое внимание на других клиентов. В отличие от прибрежных туристических испанских городков, где мне не раз доводилось отдыхать, в Лиссабоне никто не спрашивает: «Where are you from?» Никому до этого нет дела. Что только радует – у меня нет никакого желания рассказывать свою биографию с трибуны. О чем рассказывать? О том, что меня бросил мужчина после пяти лет совместной жизни и что меня сократили с работы? Можно, конечно, сочинить какую-нибудь легенду. Например, что я широко известная в узких кругах писательница из России, приехала в Португалию в поисках вдохновения для своего очередного романа. Но на создание легенд у меня нет ни фантазии, ни душевных сил. Так что мне определенно нравится это ощущение – быть инкогнито. Я здесь никого не знаю, и меня здесь никто не знает. Плюс очки на пол-лица и соломенная шляпа, которую я купила в старинном шляпном магазине на площади Россиу.

Глава 8

Площадь Россиу – странное место, где рафинированный шик в лучших традициях давно минувших дней плавно переходит в почти маргинальный треш. Помахивая глянцевыми бумажными пакетами с дорогими названиями, мимо цокают своими каблучками стильные португалки; на ступеньках Национального театра имени Донны Марии II сидят бомжи; справа от театра тянется светло-бежевая вереница – ожидающие своего клиента такси; террасы исторических кафе Casa Suíça и Nicola заполнены туристами, которых цыганки атакуют своими пластиковыми стаканчиками в надежде получить евромелочь, а если не цыганки, то неизбежные уличные музыканты, уверенные, что туристы обязаны оказать материальную поддержку их фальшивому пению; накрахмаленный сеньор неторопливо выходит из бутика Rolex; около киоска Casa da sorte оживленно – через несколько дней национальный розыгрыш лотереи; на мраморных скамейках восседают пожилые джентльмены со своими газетами; несвежие личности, скользнув вежливо-шакальным взглядом, промямят вам вслед «гашиш – гашиш»; тут же, в паре метров от них, скучает пара толстых (наверное, от ежедневного соседства с «Макдоналдсом») полицейских; американские школьники с гвалтом покидают двухэтажный туристический автобус; около индуса в чалме (должно быть, сикх) танцует на задних лапах его нехитрый товар – заводные игрушечные ослики; уличные чистильщики обуви меланхолично взирают на спешащих мимо людей; продавцы чего-то телефонно-интернетного прокричат вам вслед «сапа телекоммуникасоиш»; около фонтанов (оба привезены из Парижа) хлопают крыльями голуби; группа японских туристов щелкает фотоаппаратами; галдящие выходцы разнообразных, судя по их живописным нарядам, африканских стран сидят прямо на парапете живым укором бурному колониальному прошлому Португалии; сухонькая старушка, тот самый классический тип – с ниткой жемчуга, укладкой и в перчатках, заходит в кафе, она привыкла пить кофе в Nicola, но сидеть на террасе снаружи не будет – брезгует.

За углом старинного шляпного магазина, где я несколько дней назад купила свою шляпу, живет в своем бурлящем ритме крохотный бар-магазин «Джинжинья Регистада». Здесь можно выпить на разлив джинжинью – один еврик за рюмочку. Джинжинья – это настоящая португальская классика, негустой вишневый ликер с целыми ягодами. В ста метрах от Ginjinha Registada, в самом начале rua das Portas São Antão находится конкурент с забавным названием «Джинжинья без конкурентов» – Ginjinha sem rival. Этот адрес такой же старинный и такой же популярный. Слева от Джинжиньи Регистады стоит величавая Igreja de São Domingos, одна из самых старинных лиссабонских церквей. С левой стороны от нее поднимается вверх Calçada de Santana, начало района Mouraria, именно в нем прошло детство самой знаменитой португальской исполнительницы фаду Маризы. А если не начинать подъем, а просто пойти прямо, то через пять-десять пешеходных минут мы выйдем на площадь Martim Moniz. Но нам туда совсем не надо. От этой площади вдоль rua da Palma начинается район, гулять по которому и днем-то неприятно, а вечером – так и вообще опасно. Экзотики там хоть отбавляй, но это совершенно не та экзотика, которую следует обследовать туристам. Ну а лиссабонцы, за исключением тех, которые сами там живут, так и подавно не жалуют своим вниманием этот откровенно маргинальный район, заканчивающийся на avenida Almirante, чуть раньше станции метро Arroios, так же внезапно, как и начинается. Маргинальность и респектабельность отделяют какие-нибудь несколько сотен метров. Район вокруг станции метро Arroios – вполне респектабельное место, хоть и с туристической точки зрения откровенно скучное.

Площадь Россиу бурлит, но у меня не возникает желания остановиться, скорее наоборот – быстро пересечь эту странную площадь и заспешить по своим делам. Что я и сделала, свернув на пешеходную rua Augusta, а потом налево, на rua da Conceição, по которой шустрят друг за другом старинные желтые трамвайчики. Rua da Conceição интересна тем, что

на ней уместилась целая куча магазинов, в которых можно купить все для рукоделия. Ткани, кружева ручной работы, витиеватая тесьма или нашивки-эмблемы для черных студенческих плащей. Нашивки-эмблемы – это своеобразная азбука Морзе для своих: по ним можно узнать вуз и факультет владельца плаща, год обучения, в каких студенческих обществах он состоит и даже имя любимой футбольной команды. Эти плащи – интересная студенческая португальская традиция: португальские студенты носят их не только по студенческим праздникам, но и по будням. Гордятся своей причастностью к храму науки.

День сегодня солнечный, но не жаркий, поэтому я решила прогуляться до Каштелу Сао Джорж – многовековому замку, что стоит на одном из семи лиссабонских холмов. Я шла вдоль трамвайной линии – мимо церкви São António, мимо кафедрального собора Sé – в Лиссабоне он самый древний, построен в 1150 году, дальше – вдоль rua de Augusto Rosa, вдоль rua do Limoeiro. У церкви Святой Лусии (около нее открывается панорамный вид на доки и на реку Тежу) я свернула налево, на rua de Santiago. Дальше вертикальная дорога пошла еще более круто вверх по лабиринту узких улочек Алфамы – одной из самых живописных частей старого центра города.

Вверх, вверх и еще немного вверх. А вот и Castelo São Jorge – смысловой центр Лиссабона и, на мой взгляд, его главный символ. Что бы ни говорили по этому поводу туристические справочники.

С высоты Каштелу открывается замечательный вид на центр города. Река Тежу, по которой деловито снуют с одного берега на другой паромы, чешуя черепичных крыш домов, элегантный фуникулер Санта-Джуста, живописно полуразрушенная стена монастыря Карму, впадающий в площадь Маркеша Пумбала ручеек Авениды да Либердада... Чтобы сделать фотографию с лучшего ракурса, я залезла на широкий выступ отвесной стены замка. Щелк, щелк, щелк, щелк. И тут моя нога поскользнулась об отполированный тысячами камень. Чтобы не выронить камеру и удержать баланс, я наклонилась немного вперед.

Ааааааааааааааааааааааааай! Моя сумка, соскользнув с локтя, полетела вниз. Бумс! Я отчетливо услышала, как она приземлилась где-то там, далеко-далеко внизу. Сумка?! Вся моя жизнь полетела вниз! Потому что в этой сумке лежат паспорт, страховка, кредитная карточка, ключи, серебряное кольцо, которое я купила сегодня для поддержания своего морального духа в Leitão&Irmão и которое упаковали так красиво, что мне было жалко его сразу распаковать и надеть на палец, флешка с кучей нужных файлов, мобильный с двумя симками. В мобильном – номер телефона хозяина моей студии, который в Лиссабоне бывает несколько раз в год по делам, а обычно живет в Испании. Не то на Коста-Брава, не то – Коста-Бланка, не то – Коста-дель-Соль...

Глава 9

Что такое «не везет» и как с ним бороться? Вопрос не менее риторический, чем «что делать» и «кто виноват». Кто виноват – это понятно. Притом виноват дважды. Я ведь твердо пообещала себе сделать копию паспорта, оставить дубликат ключей у соседки и выписать в столбик все самые важные телефоны, включая телефон российского посольства и «горячую линию» моего банка, но не сделала этого, понадеявшись на классический русский «авось». Что теперь делать? Крепко держась двумя руками за край многовековой стены, я наклонилась вниз и... увидела свою сумку. В отличие от меня, она пребывала в самом прекрасном состоянии. Принимала солнечные ванны, лежа на шезлонге чьей-то террасы. В следующей жизни хочу быть сумкой. И обязательно статусной. Ни проблем, ни забот, ни хлопот. Буду фланировать со своей хозяйкой по люксовым спа, вернисажам и презентациям новых ресторанов. Она будет мной гордиться и даже назовет в честь меня свой блог. А я буду тихо и типа скромно улыбаться: «Да, вот такой красавицей и звездой я родилась – а вы, авоськи и пластиковые пакеты, проходите мимо, нечего на меня смотреть с завистью и осуждением». Впрочем, и моя не особо статусная сумка не забивает себе голову вселенскими проблемами. Или хотя бы вопросом, как вернуться к своей хозяйке. А может, она решила попросить в Португалии политическое убежище? Если гора не идет к Магомету...

Я подошла к пропускной будке на входе в Каштелу.

– Извините пожалуйста, вы говорите по-английски? – спросила я по-португальски сидящих в будке охранников.

Охранники утвердительно закивали головами, но из нашего последующего диалога выяснилось, что их английский примерно как мой французский: «уи» – «мерси боку» – «оревуар».

– Сумка внизу, – сказала я. Моего уровня португальского явно не хватает для того, чтобы объяснить ситуацию более внятно и подробно.

Охранники смотрели на меня с умилением во взоре, как папы на своих копающихся в песочнице чад, явно не понимая глубинного смысла моей фразы.

– Моя сумка внизу, – очень отчетливо и на всякий случай громко повторила я.

– Calma, senhora, calma, – сказал один из них. Тут зазвонил его мобильный телефон, и он переадресовал ему все свое внимание. Он улыбался, махал свободной рукой, хихикал и, судя по всему, совершенно забыл про меня. Я вопросительно посмотрела на второго охранника.

– Espera, senhora, – ответил он, теперь уже немного раздраженно, на мой немой вопрос и отвернулся к экрану компьютера.

Какая, к черту, калма? Какая ышпэра? Успокоиться и ждать, пока эти блюстители порядка снизойдут до моей пустяковой проблемки? Я стояла около будки уже пятнадцать минут. За такое время моя сумка может упутешествовать дальше, чем гном из французского фильма про Амели.

– Сеньоры... – теперь уже просительно, а не вопросительно начала я свою фразу. Сеньоры и ухом не повели.

– Идиоты! – закончила я ее. Громко и по-русски. Тут же трусливо сообразив, что идиот – слово почти международное и в переводе вряд ли нуждается. Мне теперь только в лиссабонскую кутузку осталось загреметь за оскорбление блюстителей порядка. На мое счастье, блюстители меня не услышали. Или не поняли. И даже от своих занятий не оторвались.

«Либо ты часть решения, либо ты часть проблемы», – сказал не помню кто, но кто-то наверняка мудрый. Твердо решив поменять амплуа и стать частью решения, я, вместо того чтобы продолжать подпирать собой стену сторожевой будки, отправилась обследовать стену Каштелу.

Слева от замка я обнаружила узкие ступени. Осторожно держась за поручень, стала спускаться по ним вниз. Потом я шла по тропинке, обнесенной с двух сторон заборами. Потом перелезала через забор. Потом еще через один. Потом – через закрытую на замок калитку.

И вот она, та самая терраса. И тот самый шезлонг. А моей сумки не видно. Я позвонила в дверь. Никто не открыл. Разумеется. Я присела на шезлонг. Скрученные в пружину нервы не выдержали, и я заплакала. Вернее, заголосила. Отчаянно и надрывно. Как глуповатая деревенская родственница, которой любой повод хорош, хоть свадьба, хоть похороны, чтобы выдать рулады на четыре октавы. Мне стало страшно. Очень страшно. Что мне теперь делать? Стоять на улице, как лиссабонские попрошайки-лжетуристы: «Извините, пожалуйста, я туристка из России, только что потеряла сумку, не дадите ли мне один евро?»

Я не знаю, сколько времени я просидела на шезлонге в шоковом полузабытье. Очнувшись от того, что кто-то гладил меня по голове. На всякий случай приготовившись к самому худшему, я приоткрыла один глаз. А затем второй.

Скорее всего, у меня окончательно поехала крыша. Раз герои сериалов начали посещать меня наяву. Около меня стояла Жануария. Та самая, из сериала про рабыню Изауру. Помните этот мыльный шедевр? Первый настоящий сериал, показанный по российскому, точнее, еще тогда советскому, телевидению. Не буду врать, морща носик, что я не такая, я жду трамвая и единственный в жизни просмотренный мною сериал – это «Секс в большом городе». Смотрела я «Рабыню Изауру», смотрела. И даже с уроков сбегала, чтобы вовремя попасть домой к телевизору. Вот меня Господь Бог за это и наказал, поселив мой контуженый мозг в этом сериале навечно.

Жануария продолжала гладить меня по голове и низким голосом что-то тихо говорить. А я продолжала хлюпать носом, сидя на шезлонге.

– Простите, пожалуйста, – наконец я решилась прервать тихий монолог Жануарии, – я не очень хорошо говорю по-португальски. По-бразильски, – быстро поправила я саму себя.

– Не плачь, дорогая, не плачь, – как будто ничуть не удивившись, переключилась на английский язык Жануария. – Все будет хорошо, не переживай, все будет хорошо. Не плачь, дорогая. Зачем плакать? Хочешь, я сделаю тебе чашку чая? Ромашкового?

Странно-абсурдная ситуация начала мне казаться странно-абсурдной вдвойне. Говорящая по-английски Жануария. Мало того что не спрашивает, кто я такая, не предъявляет претензий, что я забралась к ней в дом, нарушив границы частной собственности, так еще и успокаивает, предлагает ромашковый чай. Я, конечно, уже успела осознать, что португальцы – нация дружелюбная. Но не настолько же! Либо я окончательно повредила рассудком и все происходящее – игры моего контуженого разума. Либо, либо... Нет, другие варианты мне в голову не приходят.

Тем временем из дома на террасу вернулась Жануария. В руке она держала большую чайную чашку. Огромную. Размером как раз, как я и люблю. Что еще больше утвердило меня в подозрениях по поводу моей съехавшей крыши, переселившей меня на веки вечные в странно-параллельный мир моих собственных фантазий.

– Не надо плакать, – продолжала свой монолог Жануария, – как поссорились, так и помиритесь, не обижайся на него, он человек неплохой. Зачем обижаться?

От этих слов я чуть не выронила из рук чашку. Держала ее двумя руками – поэтому и не выронила. Откуда она знает про Антона? Ясновидящая? Ясновидящая, которая является плодом моего воображения?

– Я не из-за Антона плачу, а из-за сумки, – ответила я Жануарии.

– Сумки? – удивленно глядя на меня, переспросила Жануария. – А кто такой... Ан-тон? – Имя моего бывшего она произнесла по слогам и немного причмокивая языком, как бы пробуя незнакомое слово на вкус.

Гм, хороший вопрос – а кто такой Антон? Лично для меня ответ на этот вопрос выглядит все менее и менее однозначным.

Мы с Жануарией озадаченно разглядывали друг друга. Ситуация совершенно непонятная. Но, возможно, и не такая безнадежная, как мне показалось на первый и второй взгляд. От вопросов Жануарии у меня на душе немного полегчало. Если она не ясновидящая и не плод моего воображения, то, может быть, и я не сумасшедшая? Во всяком случае, пока.

Глава 10

Только не падайте от смеха со стула, но на самом деле Жануарию зовут Изаурой. Вполне обычное португальское имя. А мне до сих пор смешно, когда начинаю вспоминать обстоятельства, при которых мы познакомились. Оказалось, что Изаура – не хозяйка этого дома, а работает в нем домработницей – *empregada doméstica*.

– Так значит, ты не герлфренд хозяина? – запнувшись перед словом «герлфренд», как будто подбирая нужное слово, спросила меня Изаура.

Я ее заверила, что нет. Что я вообще ее хозяина ни разу в жизни в глаза не видела. А она заверила меня, что только что вернулась из супермаркета и никакой сумки не видела. Что. Мне. Теперь. Делать. Не. Знаю. Вдох через нос – выдох через рот, вдох через рот – выдох через рот, вдох через нос, выдох через нос. Вдох на раз-два-три-четыре, выдох на раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь. Эта техника называется «Дыхание океана». Повторила, как и полагается, двадцать раз, но представить, что морские волны унесли мое напряжение, у меня так и не получилось.

– Ну надо же, как оно бывает, – задумчиво протянула Изаура. Она вынесла из дома прозрачный бодумовский чайник, налила себе чашку и подлила в мою чашку еще чая. Хотя, если честно, сейчас я бы не отказалась от чего-нибудь покрепче. Йога йогой, но меня начинает знобить. Оделась я сегодня явно не по погоде. Солнечное утро сменилось пасмурно-ветреным днем. В горле подозрительно першит – не заболеть бы. Мы продолжали сидеть на террасе, переместившись с шезлонга к круглому столу.

Уверенность Изауры в том, что я – девушка ее хозяина, показалась мне странной. Неужели я похожа на нее, как однояйцевый близнец? Или... или... Или «подружки» у ее хозяйки меняются с такой скоростью, что Изаура не успевает с ними ни познакомиться, ни запомнить, как они выглядят. Ну и история! Я не удержалась и напрямую спросила об этом Изауру. Но дипломатичная «эмперегада доместика» не спешила подтвердить или опровергнуть мои предположения.

– Время сейчас сложное. Кризис. Потерять работу проще, чем найти. А найти – очень сложно. Зачем мне проблемы с хозяином? Хозяин – очень хороший человек, добрый, – добавила она таким тоном, как будто я собиралась с ней на эту тему спорить. – Я ведь не только у хозяина работаю, а в нескольких семьях, – продолжала Изаура. – Так вот, была у меня еще одна семья – богатые. Он – врач зубной, она – не работала вообще, все по маникюрам да косметологам, а сейчас они отказались от моих услуг, не могут себе позволить, говорят, что-то с их акциями случилось, все их прибыли в убытки превратились. Кризис.

– Донна Изаура, донна Изаура! – На соседней террасе, по другую сторону ажурного, но высокого забора седовласый пожилой мужчина пригласительно помахал рукой.

Изаура явно нехотя встала со стула и перешла на соседскую террасу. Я слышала, как Изаура и ее сосед о чем-то громко и оживленно разговаривали, но о чем именно, мне не удалось понять даже в общих чертах. Чай в чашке давно остыл. Я сделала маленький глоток, подумав, что пора мне уже откланиваться и отправляться... Куда? В полицию? Или сначала в российское посольство?

– Смотри сюда! – Передо мной стояла сияющая, как начищенный медный таз, Жануария, в смысле Изаура, и держала в руках сумку. Мою сумку.

– Это твоя сумка? – спросила она меня.

Я не выдержала и снова заплакала. Теперь от радости. Неврастеничкой становлюсь. Пора опять покупать бутылку новопассита. Интересно, его в Португалии без рецепта продают? Хотя зачем им тут новопассит? Португальцы поспешают, не торопясь. Преисполненная благодарности к этой большой улыбчивой женщине, я повисла у нее на шее. Мне стало неудобно от своего

внезапного порыва. Ну да ладно, в вопросах выражения благодарности лучше перестараться, чем недостараться. Может быть, купить Изауре в знак благодарности коробку конфет? Или цветы? Мы обменялись с Изаурой номерами телефонов и договорились обязательно созвониться и встретиться где-нибудь в центре за чашечкой кофе.

– Позвони мне обязательно, я буду очень рада, всего хорошего, скоро увидимся, целую, всего хорошего, – обняла меня Изаура и попеременно коснулась щеками моих щек. Прощание по-португальски – это настоящий ритуал. В то время как мы стояли в метре от калитки и обменивались совершенно искренними любезностями, к дому подъехала машина. Спортивный кабриолет серебряного цвета. «Порше»? Я не самый большой знаток машин, поэтому «Порше» мне видится практически в любом кабриолете. Из машины вышел, даже, можно сказать, выскочил (такой стремительной была его походка) невысокий молодой человек. Или мужчина? Интересно, а где заканчивается «молодой человек» и начинается «мужчина»? Он открыл калитку и направился в дом, по пути здороваясь с нами.

– Olá, tudo bem? – поприветствовал он Изауру полувопросом-полуутверждением.

– Boa tarde, senhora! – вежливо улыбнулся он мне.

Изаура подтвердила, что все хорошо. Мужчина скрылся за дверью дома.

– Хозяин, – пояснила Изаура. Мы еще раз, но уже в убыстренном темпе, обменялись цепочкой любезностей, и Изаура закрыла за мной калитку.

Вниз по Алфаме я не спускалась, а летела. На крыльях ощущения собственного счастья. И везучести. Как все замечательно! Как жизнь прекрасна! Летела я по Алфаме не быстро, а вдумчиво. Потому что извилисто-холмистая Алфама просто создана для прогулок. Впрочем, как и весь исторический центр Лиссабона. И все же Алфама – место особенное. Именно здесь и начинается история Лиссабона. Алфама – самый старинный из всех районов города, один из немногих сохранившихся после землетрясения 1755 года. Бесконечные лабиринты *escandinhas* – узких уличных лестничных пролетов, очаровательные, неожиданно утопающие в цветах и зелени тупики. Сейчас конец мая, и деревья покрыты пушистой дымкой из сине-фиолетовых цветов. Джакаранда. Вы только вслушайтесь в название этого дерева! Оно звучит как латиноамериканский танец.

По Алфаме нужно гулять с широко открытыми глазами, а не с широко открытым путеводителем. Ее извилистые улочки и переулки хранят тайны прошлого и подсмотренные секреты настоящего. Я спускалась вниз с холма, по пути разглядывая обшарпано-очаровательные дома со стандартно-зелеными дверями, ставнями, балконами, и украдкой подглядывала за жизнью местных жителей. Живописные старики с их обязательными газетами, маленькие, простецкие на вид кафешки, которые как будто бы посылают сигнал «только для своих», но в которых вам будут рады, мальчишки гоняют мяч, из окон доносится речитатив телевизионных новостей и музыка. Не обязательно фаду, хотя лиссабонское фаду родилось именно в Алфаме, в этих самых кафешках и кабачках, где рабочий люд собирался после трудового дня выпить вина под аккомпанемент песен. Песен о странности жизни, сложности любви, неизбежности смерти. После землетрясения аристократия покинула Алфаму, и квартал стал народным – в нем поселились рыбаки, рабочие, ремесленники. В наши дни постоянный туристический интерес немного отполировал и подретушировал Алфаму. Хоть этот квартал и сохранил в целом свою самобытную атмосферу, но назвать его истинно народным будет небольшим преувеличением. В отличие от Mouraria, района, который наряду с Алфамой считается родиной лиссабонского фаду и где жизнь по-прежнему протекает без ретуши. Я спускалась вниз по *rua da Costa do Castelo*, потом шла по *rua de São Mamede*, мимо руин римского театра, которые уже много лет находятся в стадии исследования и восстановления. Около собора *Sé* я свернула налево, на *rua Cruzes da Sé*, которая плавно перетекает в *rua de São João da Praça*. В уютном кафе *Pois* я, удобно устроившись в зеленом плюшевом кресле, заказала себе огромный чайник зеленого чая с имбирем и огромный сложносочиненный сэндвич с салатом. Только сей-

час осознала, как сильно я, оказывается, успела проголодаться. Из динамиков тихой струйкой лилось нечто в стиле сборника *Café del Mar*, улыбчивая официантка пританцовывала в такт, а я улыбалась в такт своим мыслям, обещая себе, что завтра обязательно сделаю ксерокопии всех своих документов, список всех самых важных телефонов и закажу дубликат ключей. Я буду умненьким, благоразумненьким, – мурлыкала я себе под нос песенку неунывающего Буратино. Я не настолько умна, чтобы никогда не ошибаться, но и не настолько глупа, чтобы повторять свои ошибки дважды. С журнального столика у стены я взяла себе несколько флаерсов и свежий номер бесплатного журнала *ConVida*. Почитала висящую на стене доску объявлений – может быть, мне примкнуть к классу хатха-йоги? Или взять дополнительные часы португальского языка у симпатичного студента-бразильца, который, видимо для большей убедительности, прилагал к объявлению о репетиторстве свою фотографию?

Когда я вышла из кафе на улицу, было уже темно. Летом в Португалии темнеет рано. Я свернула на *rua dos Bacalhoeiros*. При вечернем освещении здание *Casa dos Vicos* выглядело гораздо более привлекательно, чем при дневном. Я очень много слышала об этом, похожем своим стилем на кремлевскую Грановитую палату, здании. Но когда увидела его своими глазами, то была очень разочарована. Нет, не задумкой архитектора, а тем, в каком плачевно-запущенном виде находится фасад этого памятника архитектуры. Когда-то Каза душ Бикуш была построена итальянскими архитекторами по заказу знаменитого и влиятельного португальского семейства Альбукерков, потом здание купил богатый, но безызвестный торговец треской и даже использовал его какое-то время под рыбный склад. Сейчас оно принадлежит лиссабонскому муниципалитету. И при всей своей исторической и художественной ценности находится в таком ужасном состоянии. А еще считается, что мы, русские, нация – хоть трава не расти. Если это и так, то португальцы в вопросе пофигизма наши самые ближайшие родственники!

Дома я приняла горячий душ и, опустив вниз железные рольставни, провалилась в глубокий ароматный сон. Умиротворенная и счастливая. Как мало все-таки надо человеку для счастья. Нет, я не права. Иметь крышу над головой, теплую постель и даже кредитную карточку – это не так уж и мало. Поверьте на слово человеку, который все это чуть было не потерял из-за своего собственного раздолбайства.

Глава 11

– Há novidades? – задала стандартный для начала урока вопрос наша сеньора-профессор.

– Não ha, – соврала я, решив не вдаваться в подробности прошедшего выходного. Нет у меня новостей. Сумку не теряла, через заборы не перелезала, на полицейских не ругалась. Сидела перед окном в своей светлице, вышивала крестиком, зубрила записанные столбиком прилагательные. Тупой – еще тупее.

Сегодня мы всей группой дружно продемонстрировали незнание географии. Столица Бразилии? Бразилиа. А мы думали, что Рио-де-Жанейро.

– Чем знаменит Рио-де-Жанейро? – спросила нас сеньора профессор.

– Пляжи, бразильская сборная по футболу, статуя Иисуса Христа, карнавал, – дружно и старательно перечисляем мы.

– Еще, еще, – требует сеньора профессор и вопросительно смотрит на Энтони. Энтони жалобно морщит лобик. Не знает он.

– Вы у меня первая группа, – улыбается учительница, – которая не знает, что Рио-де-Жанейро знаменито девушками. Бразильянками.

– Конечно, знаем, – ответил Дэйв. – Жизель Бундхен – бразильянка. Ela é uma menina bonita! – добавил он, решив заодно продемонстрировать свое знание прилагательных.

Учительница похвалила его за правильное использование неопределенного артикля и согласование прилагательного с существительным. И заодно объяснила, что слово *menina* в своем первоначальном значении почти перестало употребляться в Португалии, потому что так называют женщин легкого поведения – «пойдем по девочкам». Поэтому «девочка» – лучше *garrafa*. Ударение на «i».

– Для избежания возможных недоразумений, – пояснила она, смущенно улыбаясь.

– Рапарига так рапарига, – миролюбиво согласился Дэйв.

– Жизель не совсем бразильянка, предки ее родителей – немцы, – внес свой вклад в обсуждение бразильской темы Энтони. Будучи швейцарцем из немецкой части страны, он считает, что красавица Жизель – это немецкий вклад в красоту, которая спасет мир. Почему бы и нет? Я вот тоже, например, считаю, что Мила Йовович – наша. И Натали Портман, и Сильвестр Сталлоне, и Стивен Сигал, и Леонардо Ди Каприо, и Элен Миррен, и Шер, и Майкл Дуглас (не говоря уже о его папе, Кирке Дугласе). И даже блокбастерный Стивен Спилберг – он тоже наш.

После уроков я пошла заказывать дубликат ключей. Пусть лежит у соседки, на всякий случай. С соседями у меня сложились совершенно замечательные отношения, хотя общей лексики у нас – слов тридцать-сорок, не больше. Или как раз это и является гарантом наших замечательных отношений? Заказав ключи и сделав копии всех своих документов, я с чувством выполненного долга отправилась гулять по элегантной полупешеходно-оживленной, плотно утыканной магазинами и магазинчиками *rua Garrett*. Улице с аурой в стиле ар-нуво. Art Nouveau, знаковый стиль конца девятнадцатого – начала двадцатого веков, в свое время очень сильно повлиял на лицо, в смысле архитектуру, Лиссабона. При желании можно организовать себе прогулку по центру города исключительно в стиле ар-нуво. И начать ее с *rua Garrett*. Например, с магазина *Paris em Lisboa*, который в прошлом был поставщиком португальского королевского двора. Ткани, постельное белье, пижамы, аксессуары. Шелк, хлопок, лен, шерсть, кашемир. В общем, для любителей всего натурального. Одежды, ощущений, отношений, эмоций. Шелковые платки – это мой фетиш, второй объект коллекционирования, после кулинарных книг. Объект такой же абстрактно-теоретический. Потому что платки я покупаю, но не ношу. Не умею. Меня безумно восхищают те, кто умеет элегантно-расслабленно, с парижским шиком, носить шелковый платок. Я же с платком на шее сразу становлюсь похожей не на пари-

жанку, а на оголтелую пионервожатую из фильмов режиссера Александрова. Что не мешает мне планомерно увеличивать мою коллекцию.

В аптеке я купила себе крем для глаз, масло для тела и витамины для загара. Обожаю лиссабонские аптеки! Фраза не может не звучать забавно, я понимаю. Но здесь, в Лиссабоне, множество аптек, которые сохранили за прошедшую сотню лет не только свой адрес, но и стиль. Farmácia Dução в доме номер 90 тоже является, как и многие другие адреса на rua Garrett, образцом стиля ар-нуво. Для того, чтобы заглянуть в лиссабонскую аптеку, совершенно не нужно дожидаться насморка или чего-нибудь еще более неприятного, потому что помимо таблеток и пилюль там продаются аптечные линии по уходу за лицом и телом, кремы для рук, мыло или леденцы по старинным рецептам и многие другие приятные и необходимые мелочи.

В Pequeno Jardim я купила себе, любимой, в подарок маленький симпатичный букетик цветов. Пусть он кокетливо выглядывает из моей сумочки в качестве дополнения к моему хорошему настроению.

Что еще? Новенький, очередной молескин из старинного, ведущего свое летоисчисление аж с 1732 года, книжного магазина Livraria Bertrand. На этот раз не органайзер (зачем мне, безработной, нужен органайзер?), а записную книжку. Чтобы записывать впечатления. Или мечты. Их нужно обязательно записывать! И тогда в один прекрасный день мечты обязательно начнут трансформироваться в новые впечатления, а впечатления подарят новые мечты.

Бип-бип-би-бип!

«Ты где сейчас?»

«На улице Гарретт».

«Супер! Подходи к Бразилейре».

Эсэмэска от Николь. Предлагает выпить вместе кофе. Она, конечно, очаровательный эгоцентрик. Поинтересоваться, какие у меня планы, занята я или свободна и есть ли вообще у меня сейчас желание пить кофе – это ей даже в голову прийти не могло. Хотя почему бы и не присоединиться? Николь – приятная компания, а кафе «A Brasileira» так и вообще одна из достопримечательностей Лиссабона. И тоже в стиле ар-нуво. Если уж пошла у меня сегодня такая тема. Кафе «Бразилейра» знаменито не только своим дизайном в стиле ар-нуво и столетней историей, но и тем, что когда-то в нем любил философствовать за чашкой кофе знаменитый португальский писатель Фернанду Пессоа.

Когда я подошла к «Бразилейре», Николь была уже там. Стояла около бразилейровской террасы, как раз возле бронзовой скульптуры Фернанду Пессоа. На террасе мест не было, внутри кафе курить нельзя. Николь курит, поэтому пришлось (что для меня только к лучшему – обожаю само кафе, но не люблю сидеть на его террасе) переместиться в кафе неподалеку. На rua Serpa Pinto, напротив национального оперного театра São Carlos. Место тихое, тоже симпатичное, но не такое загруженно-туристическое, как знаменитая «Бразилейра».

– О, цветочки миленькие, – прокомментировала мой букетик Николь. – Поклонник пода-рил?

– Зачем девушке нужны поклонники, если у нее есть кредитная карточка, – отшутилась я.

Николь одобрительно засмеялась. Сама Николь любит подчеркнуть в разговоре красным фломастером, что она настоящая эмансипе. И что совершенно прекрасно может обойтись без мужчин. Раз уж на горизонте пока не объявился достойный во всех отношениях принц на белом коне в шестьсот лошадиных сил. Что, впрочем, совершенно не мешает ей флиртовать направо и налево. И получается у нее это так чарующе-ненавязчиво! Потому что флирт для Николь – не способ привлечь мужчину, а стиль общения. Есть у меня подозрение, что это не приобретенный навык, а врожденный. Не хочу в следующей жизни быть статусной сумкой, хочу – потомственной парижанкой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.